

СОЛДАТКИНЪ МОСТЪ

(Старокрымская легенда).

Теперь пройти ночью не страшно, кругомъ застроено. А раньше былъ пустырь и надъ обрывомъ стояла кузня, а въ кузнѣ жилъ цыгань-кузнецъ.

Билъ молотомъ кузнецъ по наковальнѣ, летѣли въ стороны искры. Скалилъ зубы цыгань, хохоталъ.

— Хватить по головѣ, мозги, какъ искры, разлетятся.

— А, чтобъ тебѣ! — говорили люди и избѣгали безъ надобности ходить къ кузнецу.

Неподалеку жила молодая солдатка. Мужъ ушелъ на войну въ Туретчину, и два года не было вѣсти о немъ.

— Вѣрно, убили, а не то — такъ просто померъ.

Приглянулась солдатка цыгану, сталъ онъ къ ней захаживать. Когда орѣховъ, когда чего другого носилъ.

Уклонялась солдатка отъ ласки и не хотѣла, чтобы цыганъ вовсе пересталъ ходить къ ней.

Вертѣлась, вертѣлась и забеременѣла.

— Что будемъ дѣлать, если солдатъ вернется? — боялась солдатка.

А цыганъ хохоталъ:

— Ребенка подъ мостъ—и концы въ воду. Чего, дура, робѣешь.

И пришло время родить. Мучилась, мучилась солдатка и родила дочечку.

Бѣленькую, не на цыгана, на солдата похожую.

— Не моя дочь,—вѣрно, съ кѣмъ сблудила.

Толкнулъ женщину ногой и унесъ дѣвочку къ мосту; привязалъ къ ней камень и швырнулъ въ мѣсто поглубже.

И ударили въ это время въ ночной пасхальный колоколь.

Вскрикнуло дитя и замолкло.

— Куда ты дѣвалъ дѣвочку, допытывалась солдатка. — Хоть бы покрестили ее, нехристь ты этакій!

— Покрестилъ самъ ее, хохоталъ злѣе прежняго цыганъ.

Недолго пожила солдатка и померла; все хотѣла позвать свою дочечку, но не знала, какъ позвать, потому что не было у нея христіанскаго имени.

Прошло много лѣтъ. Изъ молодого цыганъ старымъ сталъ, и такимъ неприятнымъ, что не дай Богъ на ночь встрѣтиться. Не заснешь потомъ.

Въ народѣ дурно говорили о немъ. Было много обидъ всякихъ. И одинъ парень не стерпѣлъ, хватилъ его молотомъ по головѣ и разлетѣлись мозги, какъ искры отъ наковальни.

А вскорѣ развалилась и цыганская кузня.

Судили парня и засадили въ острогъ. Но въ ночь подъ Пасху за-
вѣвался надзиратель, и убѣжалъ парень изъ острога.

Убѣжалъ и спрятался подъ мостъ.

Искали—не нашли.

— Убѣжалъ, видно, въ горы.

Лежить парень подъ мостомъ и слышитъ, какъ ударилъ пасхальный
колоколь.

Перекрестился парень.

— Христосъ воскрес!

И почудилось ему, будто изъ тины за мостомъ кто то отвѣтилъ:

— Во истину.

Примолкнулъ парень, боялся шевельнуться. Стихнулъ вѣтеръ, вы-
глянула изъ за тучъ луна, освѣтила мѣстность.

И увидѣлъ парень, какъ вмѣстѣ съ туманомъ поднялась отъ ручья
дѣвушка въ бѣломъ и потянулась къ нему.

— Кузнецова дочь я, имени нѣтъ у меня, потому что некрещенной
бросили. Мучусь я. Похристосуйся со мной, и помру я тогда христиан-
кой. Такъ сказано мнѣ.

Поднялись у парня волосы дыбомъ, и бросился онъ бѣжать отъ
моста. И сколько времени бѣжалъ—не помнилъ, и куда бѣжалъ—не
сообразалъ.

Очнулся въ острожной больницѣ, рассказалъ все, что случилось
съ нимъ. Только никто не повѣрилъ, а за побѣгъ дали ему сто плетей.

Однако, хоть не повѣрили, все же стали говорить одинъ другому
о некрещенной дочери солдатской, и подъ слѣдующую Пасху никто не
пошелъ черезъ мостъ.

Разговѣлся острожный надзиратель и сталъ хвастать, что пойдетъ
на мостъ и ничего съ нимъ не случится.

И пошелъ.

Идетъ, а у самого сердце бьется. Кто шелъ повади—поотсталъ,
а впереди собака воесть, и пасхальный звонъ похороннымъ кажется.

Сталъ подходить къ мосту: не мостъ, а снѣжная бѣлизна.

Присмотрѣлся и видитъ—красавица стоитъ, волосы длинные рас-
пущены.

Стоитъ въ одной рубахѣ, дрожитъ, руки впередъ простираетъ.

— Пошли, говорить, ко мнѣ такого, чтобы еще ни съ кѣмъ не по-
христосовался. Похристосуется со мной, помру христианкой, и мать на
мѣсто въ гробу ляжетъ.

Не слушалъ дальше надзиратель, убѣжалъ къ себѣ въ острогъ и
со страха заперъ самъ себя въ одиночную.

И съ тѣхъ поръ стало всѣмъ извѣстно, что каждый годъ въ пасхальную

полночь ищетъ дѣвушка у моста, чтобы кто нибудь похристосовался съ нею, съ первой. И не можетъ найти такого храбраго, чтобы не боялся спасти ее, хотя бы пришлось самому умереть.

Застроился городъ; кругомъ моста стали дома. Живутъ въ нихъ новые люди и не знаютъ, что случилось нѣкогда у моста.

Только одна старуха помнить, какъ рассказывала ей о несчастной солдатской дочкѣ бабка ея и будто бы, рассказывая, добавляла:

— Все же дождалась несчастенькая. Вернулась съ чужбины душа солдатская, возвратился старый солдатъ взглянуть на свои мѣста. Подъ Пасху, въ самую полночь вступилъ онъ на мостъ.

Бросилась къ нему дѣвушка и рассказала все.

Не смутилась душа солдатская. Храбрость съ жалостью въ ней вмѣстѣ жила.

— Христось воскрес!

И трижды похристосовался солдатъ съ дочкой солдатской.

И успокоились оба на вѣки.

